

Столичная и провинциальная профессура российских университетов: опыт просопографического исследования (1884—1917)

Е. А. Ростовцев, Д. А. Барин

Аннотация. Составление коллективного портрета профессорско-преподавательской корпорации с использованием методов просопографии и статистического анализа — одно из наиболее популярных направлений исследований среди специалистов по истории высшей школы Российской империи. Однако значительная часть подобных работ ограничивается рамками одного учебного заведения. В то время как именно сравнение преподавательского состава различных вузов позволяет получить более полное представление об особенностях высшей школы. В данной статье авторы пытаются сравнить основные черты карьерного пути и академической мобильности преподавателей столичного (Санкт-Петербургского) и провинциальных (Новороссийского и Томского) университетов. Среди сопоставляемых показателей: продолжительность работы, наличие ученой степени, соотношение профессоров и младших преподавателей, количество собственных выпускников и т.д. Эти и другие данные позволили выявить основные модели научной карьеры, характерные как для столицы, так и для провинции.

Ключевые слова: высшая школа, просопография, Санкт-Петербургский университет, Новороссийский (Одесский) университет, Томский университет.

Abstract. Drawing up a collective portrait of the faculty corporation using prosopography and statistical analysis is one of the most popular approaches among specialists in the history of higher education in the Russian Empire. However, mostly such researches concern only one of the existed educational institutions. At the same time, comparative analysis of various universities allows to get a more complete picture of the specifics of higher education. Authors of the given paper try to compare the main features of the career path and academic mobility of the university lecturers at the capital (St. Petersburg) and provincial (Novorossiysk and Tomsk) universities. Among the compared aspects: the length of work, the availability of a scientific degree, the ratio of professors and junior teachers, the number of own graduates, etc. These and other data made it possible to identify the main models of a scientific career typical for the capital and the province.

Key words: high school, prosopography, St. Petersburg University, Novorossiysk (Odessa) University, Tomsk University.

Просопографические изыскания являются одним из ключевых направлений научного поиска в современной историографии, связанной с историей российских университетов ¹. Очевидно, что эта ситуация отражает общий вектор социальной истории и антропологии в условиях циф-

рового поворота, когда формируемые сетевые базы данных становятся не только объектом анализа, но и инструментом исследования². Разумеется, эти работы основываются на обширном историографическом контексте *university studies* последних десятилетий. В формулировке темы статьи мы также отталкивались от устоявшегося в историографии отделения столичных университетов от университетов провинциальных³. Недавние просопографические штудии, посвященные анализу базы данных дореволюционных диссертаций в области исторических наук, наглядно подтвердили наличие значительной дистанции между столичными и провинциальными университетами в дореволюционной России с точки зрения их роли как научных центров⁴. Общее для всей империи законодательство по «университетскому вопросу» способствовало институциональной унификации университетских структур (хотя и в этом отношении сохранялись региональные различия), но отнюдь не означало унификации уклада научной и социальной жизни профессорского сословия. Между тем хронотоп российских университетов рубежа XIX—XX вв. — тема, еще малоизученная в литературе.

В фокусе настоящей статьи — профессура трех российских университетов: Санкт-Петербургского (Петроградского), Новороссийского и Томского. Выбор последних двух не случаен: для анализа особенностей карьерного пути провинциальной профессуры мы сознательно остановились на вузах пореформенной России, то есть на тех, что были лишены сложившихся университетских традиций, а также не были связаны с национальными окраинами. Подобный акцент позволит оценить, насколько органично новые научные центры вливались в образовательную систему Российской империи. Хронологические рамки статьи обусловлены историографической традицией, связанной с изданием университетского устава 1884 года, существенно изменившего структуру университетской корпорации, а 1917 год не только стал последним годом жизни университетов по упомянутому уставу, но и ознаменовал крах старого порядка как такового. Предметом нашего интереса стали различные аспекты коллективного портрета профессорских коллегий: численность и доля в университетской корпорации, академическая мобильность, присвоение ученых степеней, динамика и модели университетской карьеры.

Просопографический анализ профессорского состава выбранных нами университетов (Санкт-Петербургского⁵, Новороссийского⁶ и Томского⁷) в той или иной мере уже был затронут специалистами по истории

Ростовцев Евгений Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Томского государственного университета, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru; *Баринов Дмитрий Андреевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Томского государственного университета, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru.

Rostovtsev Evgeniy A. — doctor of historical studies, leading researcher at Tomsk State University, professor at St. Petersburg State University. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru; *Barinov Dmitriy A.* — PhD (History), senior researcher at Tomsk State University; researcher at St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru.

высшей школы ⁸. Задача нашей статьи — дополнить эти данные и провести сравнительный анализ, который поможет не только определить схожие и различные черты в развитии столичного и провинциальных университетов, но и под другим углом рассмотреть работу механизма университетской системы империи.

Напомним, что согласно Университетскому уставу 1884 г. в российских университетах присутствовало четыре факультета: юридический, историко-филологический, медицинский и физико-математический. Однако из выбранных нами учебных заведений этому формальному положению в полной мере отвечал только Новороссийский университет. В Томском университете до 1917 г. не существовало физико-математического и историко-филологического факультетов, а в столичном университете не было медицинского, зато присутствовал факультет восточных языков. Однако подобная разница в структуре не мешает проведению сравнительного анализа. Ключевым фактором для сравнения является сопоставление численности профессоров (как общей, так и по факультетам) за выбранный нами временной отрезок (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Количество профессоров по факультетам ⁹

	ИФ ¹⁰	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ ¹¹	85	54	55		29	193
ИНУ	36	30	61	26		155 ¹²
ИТУ		31		63		96 ¹³

Данные о количественном составе профессорской корпорации университета демонстрируют убедительное преимущество столичного университета: 193 профессора за весь период против 155 в Одессе и 96 в Томске. При этом интересно отметить, что профессоров физмата в Новороссийском университете было больше, чем в Санкт-Петербурге — 61 против 55. Сравнительно скромные показатели Томского университета обусловлены особенностью его устройства: до 1898 г. в нем существовал только медицинский факультет, затем был добавлен юридический. Однако надо отметить, что даже при такой усеченной структуре в Томском университете проработало всего в два раза меньше профессоров, чем в столице, что во многом объяснялось постоянной текучкой кадров.

Оценить место профессоров в университетской корпорации помогут данные о соотношении их количества с числом младших преподавателей (приват-доцентов, лекторов и т. д.), рассмотренные в динамике (см. Таблицу 2).

В Санкт-Петербурге соотношение количества младших преподавателей и профессоров стремительно снижалось: если в 1892 г. оно составляло чуть менее половины, то в 1913 г. менее трети (30,5%). В Одессе при минимальных колебаниях профессора составляли не менее 55%. Томский университет в первые годы своего существования состоял исключительно из профессоров, а в XX в. их число не падало ниже 75%. За рассмотренный период в столице доля профессоров снизилась почти на 15%, в Томске на 25%, в Одессе фактически осталась прежней.

Таблица 2

Соотношение профессоров и младших преподавателей

	ИСУ				ИНУ				ИТУ			
	Проф.	П-д.	Мл. преп. ¹⁴	% профессоров к мл. преп.	Проф.	П-д.	Мл. преп.	% профессоров к мл. преп.	Проф.	П-д.	Мл. преп.	% профессоров к мл. преп.
1892	65	68	75	46,4	45	30	34	56,9	24	-	-	100
1900	72	97	105	40,7	48	33	37	56,5	36	3	5	87,8
1905	74	118	128	36,6	61	34	38	61,6	35	9	11	76,1
1910	72	154	167	30,1	69	47	51	57,5	36	9	11	76,6
1913	76	162	173	30,5	69	53	54	56,1	42	13	14	75

Важным показателем академической мобильности российских университетов является количество собственных выпускников в среде профессуры (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Количество собственных выпускников среди профессоров (%)

	ИФ	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ	71,8	50	69,1		79,3	67,9
ИНУ	13,9	20	37,7	8		22,9
ИТУ		6,4		12,7		10,4

Данные таблицы свидетельствуют о том, что Санкт-Петербургский университет оказался лидером также и по доле собственных выпускников среди профессуры — 67,9%. В Новороссийском университете таких было значительно меньше — 22,9%, в Томском — всего 10,4%, что, впрочем, объясняется «молодостью» самого университета. Интересно обратить внимание на наиболее популярные alma mater профессоров выбранных нами городов, помимо собственно местных университетов. В Санкт-Петербурге не было явного лидера: 9,8% закончили Московский университет, 4,1% — Казанский. В Одессе кроме Новороссийского профессора часто оканчивали Московский (18,3%) и Санкт-Петербургский университеты (17%), физмат и медицинский факультеты во многом формировались из выпускников Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге (ВМА) (12,4%). Томск принимал бывших студентов Московского (21,9%), Санкт-Петербургского (12,5%), Казанского университетов (11,4%), а также ВМА (18,7%).

Подобная статистика позволяет выдвинуть предположение, что столичные вузы служили «кузницей преподавательских кадров» для провинциальных университетов. И если Томский университет в силу недолгого периода существования даже теоретически не мог сформировать

собственной научной школы, то Новороссийский университет за 52 года дореволюционной работы вырастил менее четверти собственных профессоров.

Важным фактором, характеризующим должность профессора в том или ином университете, является наличие степени у ученых, занимающих ее (см. Таблицу 4).

Таблица 4

**Наличие докторской степени
на момент вступления в должность профессора (%)**

	ИФ	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ	62,5	65,6	85		58,8	69,5
ИНУ	75	41,4	72,1	96		69,7
ИТУ		12,9		84,1		59,4

В Одессе и Санкт-Петербурге профессоров, имевших докторскую степень на момент вступления в должность, было почти 70%, в то время как в Томске этот показатель едва дотягивал до 60% (а на юридическом факультете и вовсе составлял менее 13%). Несмотря на то, что должность профессора предполагала обязательную защиту докторской диссертации, эту проблему зачастую решали назначением профессора «исправляющим должность».

Необходимо обратить внимание, что в Санкт-Петербургском университете 84,4% профессоров перед вступлением в должность работали здесь же младшими преподавателями, при этом в провинции эти цифры были значительно ниже: в Одессе — 38,7%, в Томске — 17,7%. Таким образом, многие региональные профессора получали свою должность без опыта работы приват-доцентом или доцентом. Данные о сроке службы от младшего преподавателя до профессора (см. Таблицу 5) дополняют сведения, показанные в предыдущей таблице. В столице приват-доценту для повышения по службе в среднем приходилось работать почти 9 лет, в Одессе и Томске значительно меньше — 7 и 4 года соответственно.

Таблица 5

Срок службы от младшего преподавателя до профессора

	ИФ	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ	7,2	9	8,6		8,8	8,9
ИНУ	6,6	6,3	8	8,5 ¹⁵		7
ИТУ		2,1		5,7		4

Возраст вступления профессора в должность кардинально не отличался во всех трех университетах и равнялся примерно 38—39 годам (см. Таблицу 6). Схожая тенденция наблюдается и в отношении возраста защиты докторской диссертации по всем трем университетам: 34,5—35,5 лет (см. Таблицу 7).

Таблица 6

Возраст вступления в должность профессора

	ИФ	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ	41,1	40,9	40,9		38,3	38,7
ИНУ	40,5	37,4	38,5	41,5		39
ИТУ		35,5		38,8		37,8

Таблица 7

Возраст защиты докторской

	ИФ	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ	37	35,1	34,4		38,3	35,7
ИНУ	38	35,5	34,2	33,1		34,9
ИТУ		40,2		32,2		34,4

Продолжительность работы в должности профессора в университете много говорит об уровне «оседлости» преподавательского корпуса, а также позволяет сделать выводы о текучке кадров (см. Таблицу 8).

Таблица 8

Сроки работы в университете

	ИФ	Ю	ФМ	М	В	Всего
ИСУ	22,8	19,1	31,6		26,9	24,9
ИНУ	17	16,4	18,8	10,7		16,5
ИТУ		7,5		14,8		12,4

Дольше всего на службе в одном университете находились столичные профессора — почти четверть века (с учетом работы младшим преподавателем). Одесса и Томск следуют с большим отрывом — 16,5 лет и 12,4 соответственно. В случае с Одесским университетом необходимо сделать небольшую оговорку: на его статистику во многом повлияло закрытие университета с 1920 по 1933 гг. Однако даже с учетом этой поправки его показатели значительно бы уступили петербургским. Приведенные статистические наблюдения дают основание полагать, что провинциальные университеты чаще рассматривались учеными как временное место работы, необходимое для продвижения по службе. Санкт-Петербургский же университет в силу своего статуса и столичного положения мог считаться вершиной научно-преподавательской карьеры, именно поэтому профессора работали здесь столь продолжительное время.

Интересно также рассмотреть уровень географической мобильности профессоров, чтобы понять, насколько они были готовы переезжать ради работы в другие города (речь пойдет только об университетах). Для профессуры Санкт-Петербургского университета частая смена места работы не была типичной: 10 человек преподавало в Московском университете, по 9 — в Юрьевском, Казанском и Киевском. Среди одесских профессоров 19 работало в Санкт-Петербурге ¹⁶, 17 — в Москве, 13 — в Харькове;

среди томских — 19 — в Москве, 12 — в Казани, 11 — в Санкт-Петербурге, 10 — в Харькове. Таким образом, провинциальные профессора были куда более склонны к научной миграции и, как правило, успевали сменить несколько университетов.

Разумеется, важным фактором географической мобильности был размер жалования. На рубеже XIX—XX вв. жалование ординарного и экстраординарного профессоров во всех трех университетах было одинаковым — 2400 и 1600 рублей соответственно. Однако в Томске значительно выше были столовые и квартирные доплаты — 2100 для ординарных профессоров и 1400 для экстраординарных против 600 и 400 рублей для соответствующих должностей в Санкт-Петербурге и Одессе¹⁷. Однако в Санкт-Петербурге из-за большего количества студентов профессора получали куда более внушительные гонорары за чтение лекций, что, конечно, делало столичный университет более привлекательным с финансовой точки зрения¹⁸. Таким образом, переезд профессора из столицы в провинцию вел к значительным потерям в доходах, однако подобный путь мог быть вполне целесообразным для младших преподавателей.

Нельзя не отметить, что иногда перевод в другое учебное заведение служил инструментом для избавления от неугодных профессоров, как правило, членов кадетской партии. Так, например, случилось с правоведом И.А. Покровским, которого за резкие выступления в ходе кризиса 1911 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо принудительно перевел в Харьковский университет. По тому же маршруту летом 1913 г. планировали отправить известного правоведа и бывшего ректора столичного университета Д.Д. Гримма, однако он отказался переезжать в провинцию. В 1911 г. также вследствие кризиса был уволен правовед М.Я. Пергамент. Такие принудительные переводы не только воспринимались как оскорбление, но и, как отмечалось выше, приводили к серьезным материальным потерям в связи с уменьшением гонорара ученых. В то же время для профессоров-назначенцев столичный гонорар служил своего рода поощрением за верность министерству. По свидетельствам современников, давно готовившееся решение об отмене гонорара (с одновременным увеличением штатного содержания профессора) было заблокировано Л.А. Кассо, который заявил, что «решил оставить в силе гонорар для того, чтобы новоназначенные петербургские и московские профессора-юристы продолжали пользоваться своими доходами»¹⁹. Напомним, что одним из первых решений нового «кадетского» министерства народного просвещения после февральской революции 1917 г. стала директива о восстановлении на службе преподавателей, отстраненных от нее прежним режимом, и увольнении профессоров-назначенцев (то есть назначенных в обход университетских советов)²⁰. Если в столичных университетах (в особенности в Санкт-Петербургском) с назначенцами действительно поступили максимально жестко, то в провинции в подавляющем большинстве случаев назначенцы были переизбраны местными советами на прежние профессорские позиции²¹. Причина такого различия в подходах заключалась, прежде всего, в отсутствии в провинции достаточного количества претендентов на профессорские позиции. Таким образом, конечной и желанной целью географической мобильно-

сти университетских преподавателей были профессорские магистратуры в столичном университете, остальные позиции (в том числе профессоров в провинции) были скорее остановками на этом пути и не представляли абсолютной ценности с точки зрения престижа и научной карьеры. В этом контексте уместно обратить внимание на характер ожидания профессуры и модели карьеры, типичные в столичном и периферийных университетах.

Отталкиваясь от проведенного нами анализа статистических данных, можно определить наиболее типичные карьерные пути для профессоров столичного и провинциальных университетов. Для Санкт-Петербурга характерен тип профессора-старейшины, прошедшего долгий путь, начиная с низших должностей. Ведущие преподаватели Санкт-Петербургского университета ждали профессорской должности 20 и более лет, непрерывно служа в университете: Л. Б. Дорн, Д. А. Пещуров, С. К. Булич, Н. П. Вагнер, И. И. Иванов, А. Э. Шмидт, Д. Ф. Селиванов, Н. С. Будаев. 50 человек провели в ожидании профессорства 10 и более лет. В то время как в Томске и Одессе подобные примеры единичны.

Показательным примером может служить карьера Сергея Константиновича Булича (1859—1921), прослужившего 23 года приват-доцентом историко-филологического факультета и получившего должность профессора только в 1908 г. Академический путь представителей точных наук мог удлиняться за счет работы на преподавательских должностях в различных лабораториях. Так, известный химик, будущий академик АН СССР Вячеслав Евгеньевич Тищенко (1861—1941), прежде чем приступить к чтению лекций, 7 лет (1884—1891) трудился в должности лаборанта физико-математического факультета. Позицию же профессора он занял только в 1907 г., после 16 лет преподавания в должности приват-доцента ²².

То, что путь к профессорству в столице был очень долгим, а шансы получить эту должность призрачными, ни для кого не было секретом. В мемуарах и других источниках существуют многочисленные свидетельства того, насколько сложно было перейти с позиции младшего преподавателя на должность профессора в столичном университете, где «скамейка запасных» для приват-доцентов была очень длинна. Например, на кафедре русской истории в 1880-е гг. после ухода К. Н. Бестужева-Рюмина и с началом болезни его преемника Е. Е. Замысловского развернулась острая конкуренция за позицию профессора между их учениками — С. Ф. Платоновым, И. П. Сениговым, Е. Ф. Шмурло, А. С. Лаппо-Данилевским. Должность в итоге досталась С. Ф. Платонову ²³. О напряженности ситуации свидетельствует дневник Н. Н. Платоновой (жены историка), которая неустанно фиксировала все перипетии, связанные с этим событием. Приведем лишь небольшой отрывок, связанный с возмущением Н. Н. Платоновой поведением профессора Е. Е. Замысловского, который никак не хотел оставлять место профессора: «[Замысловский] не думает об отставке и берет на себя магистерские экзамены, диИСУты и присутствие на советах; общего курса он никогда читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя (его собственные слова). Это бремя всецело ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе, таким образом, главную тяжесть профессорских обязан-

ностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диИСУты и присутствие на советах, т.е. за легчайшую и лаковую сторону работы будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда»²⁴. Впрочем, вскоре С. Ф. Платонову удалось добиться отставки Е. Е. Замысловского и получения должности²⁵. Учитывая возраст нового профессора и малый стаж работы по ведомству народного просвещения, это назначение почти на четверть века закрывало возможность избрания нового профессора. Данное обстоятельство вполне понимали ученики С. Ф. Платонова, в том числе А. Е. Пресняков, так оценивавший свои карьерные перспективы в 1892 г.: «Положим, оставляют меня при университете. Это значит, надо готовиться к магистерскому экзамену и писать диссертацию. Прежде диссертация была всем, а экзамен — пустою формальностью. ... В лучшем случае экзамен сдают года через 2—3. Тогда становятся «магистрантом», получают право читать лекции. Затем — диссертация: от выбора темы зависит, сколько времени на нее надо. Но *minimum* — 5 лет, а обыкновенно больше. Затем вы магистр. ... Профессура дается старшему доценту по вакансии. Так после Замысловского стал профессором Платонов, и я надеюсь, что не доживу до того, чтобы в Петербургском университете был другой профессор русской истории, т[ак] к[ак] это значит, что Платонов скончался или ушел. А ему повезло. Ему всего 34—35 лет, и он профессор, а Миллюков, его ровесник — человек с крупным именем в науке — доцент. ... Ни магистерство, ни докторство, ни доцентура не составляют того, что мы зовем “положением”, не дают обеспечения. Их практичность в рекламе — в большей легкости попадать в разные столичные учебные заведения. ... Быть университетским преподавателем в настоящем смысле этого слова может только профессор <...>. Положение это лично для меня недостижимо, потому что я если даже буду доцентом, то после Платонова — приблизительно десятым или одиннадцатым кандидатом на кафедру, а это мыльный пузырь»²⁶. Прогноз А. Е. Преснякова оказался верным — после С. Ф. Платонова (с выходом последнего на пенсию в звании заслуженного профессора) на кафедру был избран старший ученик С. Ф. Платонова — С. В. Рождественский (в 1913 г.), и только крах «старого мира» дал возможность самому А. Е. Преснякову стать университетским профессором (в 1918 г.)²⁷. Ситуация на кафедре русской истории была типичной для столичного университета, где основную массу преподавателей, как отмечалось выше, составляли «приват-доценты»²⁸.

Разумеется, не все были готовы пройти столь длительный путь к оптимальной, как полагали в научном мире, должности для преподавательской работы. Такое положение стимулировало многих ученых к смене места службы и поиску работы в провинциальных университетах. Именно поэтому в последних часто можно встретить преподавателей-«кочевников», сменивших два и более университета (в должности как профессора, так и младшего преподавателя). Так, в Одессе три профессора проработали в четырех университетах (В. И. Модестов, С. П. Никонов, И. И. Луньяк), в трех и более — 15. В Томске четыре профессора проработали в четырех университетах (С. П. Никонов, И. Г. Табашников, П. И. Лященко, А. В. Горбунов), в трех и более — 12.

Рассмотрим в этом контексте подробнее судьбу правоведа Сергея Павловича Никонова, успевшего поработать во всех трех рассмотренных нами университетах. В 1890 г. Сергей Павлович закончил юридический факультет Казанского университета, после чего был оставлен там же для приготовления к профессорскому званию. В 1895 г. он переезжает в Ярославль, где становится сначала приват-доцентом, а затем, после защиты в Санкт-Петербургском университете магистерской диссертации (1901 г.), профессором Демидовского юридического лицея. В 1903—1909 гг. С. П. Никонов был и. о. экстраординарного профессора в Харьковском университете. После защиты докторской в Университете Св. Владимира он становится профессором Новороссийского (1909—1912), а затем Санкт-Петербургского университетов (1912—1917). После революции 1917 г. он перебирается в Томский университет, а затем, уже в советское время (в 1920 г.), уезжает преподавать во Владивосток. Казань — Ярославль — Харьков — Киев — Одесса — Санкт-Петербург — Томск — Владивосток: такой внушительный путь за свою преподавательскую карьеру проделал известный ученый-юрист²⁹. Его карьера, возможно, является одним из самых ярких примеров географической мобильности провинциальных профессоров.

Проанализированная нами статистика позволяет говорить о том, что провинциальным университетам приходилось играть роль потребителей научных кадров, которые в избытке «производились» в столичных вузах. Количество выпускников Санкт-Петербургского и Московского университетов, желавших сделать научную и преподавательскую карьеру, в значительной степени превышали число вакантных мест не только в университетах, но и в других высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга. Конкуренция за профессорскую должность «выдавливала» ученых и преподавателей в провинциальные вузы, что хорошо иллюстрируют рассмотренные выше данные о количестве собственных выпускников среди профессуры. При этом ученые, достигшие должности профессора в столице, не были склонны к переездам.

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что в провинции получить должность профессора было гораздо проще: меньше срок службы от младшего преподавателя до профессора, менее строгие требования к наличию научной степени. В особенности это касалось юридического факультета — в Одессе чуть более 40% профессоров-юристов имели докторскую степень на момент вступления, в Томске менее 13%. Короткий срок службы, большая доля профессоров-«кочевников» — все это позволяет сделать предположение, что провинциальные вузы со стороны значительной доли профессоров рассматривались исключительно как временное место работы. В то же время фактическое отсутствие в провинциальных вузах проблемы противостояния младших и старших преподавателей делало начало университетской карьеры более комфортным.

Не так просто однозначно ответить на вопрос, работала ли университетская система Российской империи на привлечение лучших кадров из провинции в Петербург? Безусловно, столица являлась центром притяжения научных кадров для всей страны, и важен был не только престиж, но и значительная материальная выгода, которую предполагала

должность профессора Санкт-Петербургского университета. Случаи «подъема» из провинции не были единичными — более четверти профессуры Санкт-Петербургского университета составляли выпускники из иных учебных округов. Однако наши наблюдения показывают, что был востребован и обратный маршрут — из столицы в провинцию, который многими рассматривался как вполне приемлемый карьерный путь в условиях активной конкуренции за профессорскую должность в Петербурге. Таким образом, университетская система империи, логика которой была направлена на создание и развитие сети центров высшего образования и науки во всероссийском масштабе, хотя и не смогла за столетие своего существования в полной мере решить проблему «центра» и «периферии», все же обеспечивала единство российской науки и живой кадровый «квоток» между университетскими центрами.

Примечания

- Статья подготовлена при поддержке гранта РФ «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII — начало XX в.)» № 18—18—00121.
1. ANDREEV A. Diegespaltene Universität. Moskauer Gelehrten 1911—1917. — Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg. Stuttgart. 2006, S. 159—176; ГРИБОВСКИЙ М.В. Профессорско-преподавательский корпус Императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. — февраль 1917 г. Дисс... докт. ист. наук. Томск. 2018; KOSTINA T.V., KOUPRIANOV A.V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803—1884). — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History. 2016. Issue 3, p. 31—45; КУПРИЯНОВ А.В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «средние данные» и формальные подходы в истории науки. — Топос. 2017, № 1—2, с. 111—137; ГРИГОРЬЕВА О.И. Знание о Московском университете в цифровую эпоху. — Историческая информатика. 2017. № 2, с. 24—32.
 2. СИДОРЧУК И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета. — Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4, с. 224—235; ПОТЕХИНА И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиавистики. — Средние века. 2018, т. 79. № 3, с. 180—195; СОСНИЦКИЙ Д.А. Цифровой поворот в просопографических исследованиях высшей школы. — Русский логос-2: модерн — границы контроля. СПб. 2019, с. 674—678.
 3. ВИШЛЕНКОВА Е.А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани. — Логос. 2005. № 6, с. 218—233; МАУРЕР Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М. 2015, с. 107—109.
 4. АЛЕВРАС Н.Н., ВЫДРИН О.В. База данных по диссертационной культуре российских ученых-историков (1814—1919): информационный ресурс и опыт его анализа. — Актуальные проблемы и современные подходы к преподаванию. Челябинск. 2018, с. 10—18; АЛЕВРАС Н.Н., ГРИШИНА Н.В., ВЫДРИН О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX — начала XX века. — Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2, с. 100—110.
 5. РОСТОВЦЕВ Е.А., БАРИНОВ Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819—1917). — Клио. 2013. № 10 (82), с. 36—41; РОСТОВЦЕВ Е.А., БАРИНОВ Д.А., СОСНИЦКИЙ Д.А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819—1917): опыт коллективной биографии. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2015, вып. 4, с. 112—127; РОСТОВЦЕВ Е.А., БАРИНОВ Д.А. Физико-

- математический факультет Императорского Петербургского университета (1819—1917): опыт коллективной биографии. — *Международные отношения и диалог культур*. 2016. № 4 (2015), с. 177—216.; РОСТОВЦЕВ Е. А. Столичный университет Российской империи. М. 2017.
6. САМОДУРОВА В. В. Научные династии в Новороссийском университете. — *Вісник Одеського національного університету*. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2007, т. 12, № 4, с. 108—118; ГАНИН В. В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX — начало XX вв.). — *Юридическое образование и наука*. 2007. № 4, с. 38—42; ЛЕВЧЕНКО В. В. Научные династии евреев в Одесском (Новороссийском) университете. — *Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Сер. «Академическая серия»* В. В. Мочалова. 2011, с. 259—275.
 7. НЕКРЫЛОВ С. А. Томский университет — первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. — 1919 г.). Томск. Т. 1—2. 2010; ГРИБОВСКИЙ М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. — февраль 1917 г. Томск. 2018.
 8. Обновляемая библиография по истории российских университетов. История Российской высшей школы в виртуальном пространстве. URL: <http://russianuniversityhistory.tsu.ru/>
 9. Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/>; Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начало XX в.). URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/>; Профессоры Одесского (Новороссийского университета): Биогр. слов. Одеса. 2000. Т. 1—4; Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск. 1996. Вып. 1.
 10. Здесь и далее: ИФ — историко-филологический, ФМ — физико-математический, В — восточных языков, М — медицинский, Ю — юридический.
 11. Здесь и далее: ИСУ — Императорский Санкт-Петербургский университет, ИНУ — Новороссийский университет, ИТУ — Томский университет.
 12. Войтковский Василий Миронович, Клитин Александр Михайлович, Кудрявцев Александр Николаевич были профессорами богословия, которое не относилось ни к одному из факультетов. Зеленецкий Николай Николаевич работал на медицинском и физико-математическом факультетах, поэтому учтен в обоих графах.
 13. В том числе два преподавателя богословия, работавших без прикрепления к факультету.
 14. Приват-доценты, доценты, лекторы, преподаватели.
 15. Всего четыре случая, когда ученый сначала работал младшим преподавателем, а затем профессором.
 16. Здесь и далее речь идет только об университетах.
 17. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1891/92 учебный год. СПб. 1891; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1915 год. Пг. 1915.
 18. ГРИБОВСКИЙ М. В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX — начала XX в. — *Диалог со временем*. 2018. № 62, с. 144—163.
 19. САВИН А. Н. Университетские дела. Дневник 1908—1917. М.-СПб. 2015, с. 332.
 20. О допущении к преподавательской деятельности устранившихся за политическую деятельность, № 1926. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Распоряжения Временного правительства. 1917. № 5, с. 18—19.
 21. РОСТОВЦЕВ Е. А. Российские университеты в условиях краха старого порядка: корпоративные и политические стратегии. — *Journal Of Modern Russian History and Historiography*. 2020. № 13, р. 123—125.
 22. КОРЗИНИН А. Л., СИДОРЧУК И. В. Тищенко Вячеслав Евгеньевич. — Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/739-tishchenko-vyacheslav-yevgen-yevich.html>
 23. ТРИБУНСКИЙ П. А. С. Ф. Платонов — преемник Е. Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета. — *Памяти академика С. Ф. Платонова: исследования и материалы*. СПб. 2011, с. 26—42.

24. Дневник Н.Н. Платоновой. 27 августа (1890 г.). — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 585, оп. 1, д. 5691, л. 10; БРАЧЕВ В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб. 1997, с. 46.
25. ТРИБУНСКИЙ П.А. С.Ф. Платонов — преемник Е.Е. Замысловского..., с. 26—42.
26. А.Е. Пресняков — матери, 7 декабря 1892 г. В кн.: Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб. 2005, с. 66—67.
27. ЖУКОВСКАЯ Т.Н. Пресняков Александр Евгеньевич. — Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/854-presnyakov-aleksandr-yevgen-yevich.html>.
28. DVORNICHENKO A.YU., ROSTOVTSSEV E.A., BARINOV D.A. The department of Russian history at St. Petersburg University (1821—1917): a group portrait. — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History. 2016. Issue 3, p. 46—56; РОСТОВЦЕВ Е.А., БАРИНОВ Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884—1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии. В кн.: Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884—1917 гг.: исследования и документы. Томск. 2012, с. 35—51.
29. БАРИНОВ Д.А., РОСТОВЦЕВ Е.А. Сергей Павлович Никонов. — Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/213-nikonov-sergey-pavlovich.html>.